

Война глазами мирных жителей [Обозреватель 12.05.2010](#)
Все меньше становится свидетелей Великой Отечественной войны. Время неумолимо, человеческая жизнь коротка. Даже те, кто увидел войну детьми, – сегодня люди уже весьма преклонного возраста. Но несмотря на годы и недуги, они живо откликаются на любое приглашение, спешат в школы на встречи с детьми, чтобы рассказать им правду о войне. Войне, которую не могут забыть...

Детство и война. Дети и голод. Дети и страх. Это особенно противоестественно. Боль из-за украденного войной детства осталась с этими людьми навсегда.

В концлагере люди умирали сотнями за день

Анна Валько: «Таких добрых людей, как в Беларуси, я нигде не встречала. Вообще люди в войну были удивительные, делились последним, поддерживали друг друга».

Анна Максимовна Валько, 1930 года рождения.

Самое страшное впечатление войны – голод. С первых же дней оккупации родной Смоленской области фашисты угнали из их деревни весь скот, перерезали птицу, а поля выжгли дотла. Спасались мирные жители тем, что ели мясо убитых немецких лошадей, лебеду, щавель. От голода люди пробовали иногда даже удобрения с полей, и многие умирали от отравлений.

– Но люди везде люди. Немцы тоже не все были сплошь подонками, – замечает Анна Максимовна. – В нашей хате на постое оказалось двое немецких солдат, так они, получая свои пайки, с нами нет-нет, да и чем-нибудь поделятся.

В Слуцком концлагере, куда Аню вместе с мамой и младшей сестрой Надей фашисты вывезли в январе 1943 года, суточным рационом будет консервная баночка жидкого горького супа и прозрачный кусочек хлеба. Люди умирали там сотнями за день, их сбрасывали в общую яму, засыпая землей. На работу

узников не выводили. Все заключенные знали: в Тростенец и Освенцим их не везут только потому, что печи там не успевают сжигать людей. На всю жизнь запомнится распластанное на колючей проволоке тело женщины – ее застрелили за попытку к побегу и в назидание другим не снимали трое суток. За полгода, проведенные в лагере, Аня с Надей потеряли маму. И Аня, еле передвигавшая ноги, все-таки отыскала где-то кусок ткани и зашила мертвую мать, чтобы по ней в бараке хотя бы не ступали до того, пока обнаружат немцы. Взрослые рядом только дивились: «Что за ребенок такой, чем он держится?»

Месяц спустя их начали грузить в эшелоны для отправки дальше – в жерло печей на фабрики смерти. Их везли на верную гибель. Но случилось так, что за Барановичами, на станции Петуховщина, неожиданно сняли охрану и эшелон бросили на полпути. Почему – то ли железнодорожное полотно было повреждено партизанами, то ли по другой причине, так и осталось неясным. Но это стало спасением. Ослабевших, больных, их всех разобрали по своим домам жители окрестных деревень. Истощена Аня к тому времени была так, что уже не передвигалась, а от чесотки все тело было покрыто страшными струпьями. Простым белорусским людям – Алёне и Винцесю Янушам – Анна Максимовна обязана жизнью. Они ее выходили, вылечили, буквально поставили на ноги. Жившая недалеко семья взяла к себе Надю, и сестры могли регулярно видеться.

– Таких добрых людей, как в Беларуси, я нигде не встречала, – говорит Анна Максимовна. – Вообще люди в войну были удивительные, делились последним, поддерживали друг друга.

Сегодня Анна Максимовна, бывшая учительница младших классов, на инвалидности, за плечами операций столько, что сбилась со счета. Но она держится. Выжив в том аду, через который ей довелось пройти, надо очень дорожить жизнью, считает эта женщина.

Немцы сразу же показали себя как грабьярмия

Георгий Сычевский: «Были среди партизан и русские, и украинцы, и евреи, и словаки, которые перешли к нам из словацкого войска. Вспоминаю и румына Саву, рядового мадьярской армии, пригнанной в Белоруссию воевать с

партизанами, который сам сдался нам в плен. Отношения между людьми разных национальностей были очень дружелюбные, никаких конфликтов на национальной почве не возникало».

Сычевский Георгий Алексеевич, 1930 года рождения.

Войну Жора Сычевский встретил в Петрикове. Немцы появились в городе уже летом 1941 года и сразу же показали себя как грабьярмия в отношении мирного населения. Им ничего не стоило забрать у семьи свинью, кур, корову, прийти в хату и вынести все съестное...

Установленный в Петрикове фашистами режим под угрозой расстрела запрещал показываться после 19.00, когда наступал комендантский час. Все лодки, которые имелись у хозяев, были пронумерованы и арестованы, брать их разрешалось только днем. В случае опоздания дело оканчивалось расстрелом. В Петрикове, кроме полиции и жандармерии, дислоцировался гебитскомиссариат («гебитс» по-немецки – «область»). На Припяти стояли немецкие суда.

– 23 сентября 1941 года партизаны на реке подожгли немецкий пароход, – рассказывает Георгий Алексеевич. – Находившиеся на нем бочки с горючим взрывались, оно вытекало и залило всю Припять. Назавтра немцы с карательным отрядом ворвались в Петриков. Каратели были из числа тех уголовников, которых немцы освободили из тюрьмы в Турове, дав им белые полицейские повязки и винтовки. Вообще на службу к немцам шли, как правило, люди с уголовными наклонностями. У некоторых руки были по локоть в крови... В тот раз в Петрикове подожгли сразу 150 домов. А евреев загнали в Припять и расстреляли из пулеметов. Обстановка была очень тяжелая...

Партизанское движение в Петрикове, по словам Георгия Алексеевича, началось фактически с первых же дней войны. Отец Жоры, Алексей Александрович, будучи по состоянию здоровья невоеннообязанным, установил связь с партизанами уже в 1941 году, выполнял их поручения по сбору информации. Однако всей семьей они ушли в партизаны в сентябре 1943 года. Поводом стал обыск в доме, учиненный накануне полицейскими под предлогом того, что отец, бывший директор школы №2, якобы забрал школьное имущество. Мама, Анна Петровна, с маленькой сестрой Светланой, дед с бабушкой обосновались в лесу, «на куренях» – так назывались семейные партизанские поселения. А отец и Жора были зачислены рядовыми в партизанский отряд.

– Наш 136-й отряд Трухановича состоял из трех рот, конного взвода, хозчасти – всего в нем было примерно человек 250, – говорит Георгий Алексеевич. – Действовал он в основном в Петриковском и Лельчицком районах. Все оружие добывалось только в бою. У меня тоже была своя винтовка.

Меня, подростка, привлекали в отряде к полевой службе, засадам, вместе со старшими ходил на железную дорогу взрывать рельсы, дважды участвовал в группе, которая пускала под откос вражеские эшелоны, за что был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Пропитание партизанам раздобыть было непросто. Очень помогли выживать те 350 коров, которых отбили у немцев и перегнали через Припять. Кроме того, партизаны установили у себя молотилку для зерна, которое собиралось с полей и местными жителями, и своими силами.

Однажды их отряд вместе с отрядом Дубика организовал засаду на немецкий обоз, двигавшийся по проселочной дороге. Впереди немцы гнали евреев, тянувших за собой бороны, – на случай, чтобы именно они взорвались, если наткнутся на партизанскую мину. В тот раз партизаны захватили много мешков муки, миномет и 28 ящиков мин. Евреи перешли к ним в отряды.

– В основном партизанские отряды состояли из белорусов,– отмечает Георгий Сычевский. – В нашем отряде, к слову, служил внук деда Талаша – Яков Талаш. Но были среди партизан и русские, и украинцы, и евреи, и словаки, которые перешли к нам из словацкого войска. Вспоминаю и румына Саву, рядового мадьярской армии, пригнанной в Белоруссию воевать с партизанами, который сам сдался нам в плен. Отношения между людьми разных национальностей были очень дружелюбные, никаких конфликтов на национальной почве не возникало.

25 января 1944 года партизанские отряды соединились с отрядами Красной армии. В 1945 году 15-летний Жора Сычевский получил медаль «За победу над Германией». Всего у Георгия Алексеевича 19 воинских наград.

Пребывание в трудовом лагере в Германии долго аукнулось после войны

Екатерина Люлькина: «Работали по 12 часов в сутки. Кушали в столовой. Питание было трехразовое: кусочек хлеба и чай утром, баланда днем, кусочек хлеба и одна картофелина вечером. Мало для жизни, много для смерти».

Екатерина Ивановна Люлькина, 1926 года рождения. Составитель книги «Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси».

Перед войной Катя окончила в Херсоне семь классов. Училась хорошо, мечтала поступить в медицинский институт и стать врачом. Но война разрушила мирные планы как целых стран, так и отдельных людей. – В августе 1941 года Херсон был оккупирован гитлеровскими войсками, – рассказывает Екатерина Ивановна. – Через город двигались мотоциклы, танки, пехота. Шли жуткие бои, ночью сон нарушали бомбежки. Жандармерия города начала устанавливать свои порядки. Первое, что сделали, – развесили портреты Гитлера с надписью на украинском языке «Гитлер-візволитель». Стали вешать коммунистов-подпольщиков, организовывать гетто. Целые районы специально подготовили, обнесли колючей проволокой и загоняли туда евреев всеми семьями. На одежду евреев – на грудь и спину – пришивали

шестиконечные

звезды.

Вечером их сгоняли в гетто, а ночью куда-то увозили – наверное, расстреливали. Все мирное население должно было регистрироваться на бирже и выполнять какие-то работы. Я работала на стройке, подавала замесы цемента и кирпич строителям. За это по карточке получала 300 граммов хлеба. Отец в то время болел после инфаркта, мама и девятилетний брат Владимир перебивались как могли. Зима 1941-1942 годов была очень суровая. Отступая, наши войска спустили все зерно из элеватора, который располагался на берегу Днепра, под воду. И зимой, когда река замерзла, люди прорубали лед и доставали зерно, к тому времени проросшее. Его высушивали, перемалывали, делали лепешки и так выживали. Чтобы поднять экономику Германии, где остались одни старики и дети, Гитлер издал указ вывозить молодежь завоеванных территорий на принудительные работы в гитлеровскую Германию. Все старались спрятать детей. Когда пришел мой черед явиться на биржу, мама сымитировала у меня чесотку – для этого она исхлестала все тело крапивой, затем натерла перцем подмышками, чтобы вызвать температуру. В тот раз обман удался. Но через год на рынке во время облавы меня схватили, силой запихнули в машину. Мама успела только всунуть в руки котомку с куском хлеба... Нас повезли в Николаев, а там уже был подготовлен товарный состав. Поместили в переполненные вагоны, где мы спали на полу, застланном соломой. Охраняли нас полицейские с собаками. Всю дорогу нас почти не кормили. Везли только ночью, днем боялись налета партизан. Неделю ехали до Брест-Литовска. Там нас построили шеренгой, всю одежду заставили снять и дезинфицирующим раствором обрабатывали все волосяные покровы. Мы плакали, стеснялись. После этого одежду нам вернули, всех посадили в вагоны и повезли до Кенигсберга. Там на платформе из нас набирали себе работников руководители крупных промышленных концернов, фермеры из сельской местности, высокопоставленные дамы. Я попала в число 100 девушек, которых отобрала фройляйн Тидде. Нас повезли на машине в северную Германию в город Фалькенбург. В 15 километрах находилась школа Гитлер-Югенд. Преподаватели и курсанты школы ходили в черной форме, со свастикой на рукавах. На территории школы были поликлиника, прачечная. К казармам нас не допускали. Поместили в барак, выдали черные халаты, на ноги – деревянные колодки и два лоскутка 7х7 сантиметров с надписью «ОСТ», которые надо было пришить на халат, – без них нам запрещалось выходить за пределы лагеря. С вечера фройляйн Тидде распределяла каждого на работу – в прачечную, поликлинику, на уборку территории, уборку урожая на полях, очистку овощей в подвале. Работали по 12 часов в сутки. Кушали в столовой. Питание было трехразовое: кусочек хлеба и чай утром, баланда днем, кусочек хлеба и одна картофелина вечером. Мало для жизни, много для смерти. Мы были оторваны от внешнего мира. Ничего не знали о ситуации на фронте, так как не было ни радио, ни газет. Помню повара, который обзывал нас «советскими свиньями», а когда мы показывали ему в ответ язык, мог и пощечину дать. Но и среди немцев попадались те, кто сочувствовал нам, имел доброе сердце. Вспоминаю медсестру из поликлиники лагеря Герду, которая старалась нас по возможности хоть чем-то подкормить, из-под полы подбросив сверх «нормы» кусочек хлеба или банку сгущенки. В 1944 году Герда сообщила мне, что «скоро придут ваши и нас всех убьют». Вскоре школу эвакуировали, и наш лагерь тоже. Всех повезли на запад. По дороге были бомбежки, мы выскакивали, прятались. Бомбили в основном американцы и англичане. Мы оказались в жутком котле. Доехали до Северной Рейн-Вестфалии. Там была канатная фабрика, где мы работали на расчистке завалов. Освободили нас в апреле 1945 года американцы, накормили и сдали нашим войскам. Нам сказали возвращаться домой. Где пешком, где оказией

подъезжая на чем придется, прячась на хуторах, в лесах. По дороге домой мы попали в комендатуру в городе Дойче Кроне, там выполняли работы на трофейном складе, куда военнопленные привозили пианино, картины, мебель. Все это отправляли на восток. Только в августе вышел приказ Сталина отправлять нас на родину. Все наши юноши прошли проверку СМЕРШ, после чего их отправили служить в армию. Мы тоже прошли «фильтрацию». Помню, сидит офицер, на столе – пистолет. «Ну, рассказывай, – говорит, – как работала на немцев». Рассказала все, подписалась под тем, что за мной фиксировали. После этого была дорога уже домой, на Украину. Мальчики на крышах вагонов, мы на подножках поездов. Добрались до Херсона... Конечно, была радость от встречи с родными. Но Родина нас приняла с недоверием. На работу брали только самую черную, часто приходилось слышать: «Почему работала на немцев, почему не убежала?»

Графа о том, где был во время войны, сохранялась в документах примерно до середины 1960-х годов.

– С 2004 по 2009 год я участвовала в белорусско-германском проекте «Связь поколений», финансируемом Германией. Цель этого проекта – донести до молодого поколения правду о войне, – говорит Екатерина Ивановна. – Я не раз бывала в Германии по приглашению и убедилась, что современные немцы хотят знать правду о той войне и очень переживают за то, что совершили их деды и прадеды.

Я часто спрашиваю наших детей: «Что такое голод и страх?» Они считают, что голод – это когда не успел позавтракать и на уроке хочется кушать, а страх возникает из-за родительской реакции по поводу двойки... Мы же годами испытывали голод и страх за свою жизнь. Для того чтобы войны не повторялись, мне кажется, нашим внукам необходимо знать нашу правду о прошедшей войне.

Связная Ада

Ада Черкащенко: «Иногда нам в одежду зашивали записки с важной информацией, и мы доставляли их по нужному адресу. На детей меньше

обращали внимания, и обычно
мы не попадались».

Ада Алексеевна Черкащенко (в девичестве Лисицына), 1930 года рождения.

Связная подпольщиков, почетная пионерка Советского района Минска, боец батальона белорусских орлят.

Война застала семью Ады в Слониме, где папа – Алексей Афанасьевич Лисицын – был начальником шоссейной дороги Варшава – Москва. В связи с ожидаемым приездом родственников из Ленинграда день рождения Ады (8 июня ей исполнилось 11 лет) перенесли на 22 июня. 22 июня они все готовились весело провести время... Но утром пришел папа и сказал всем, что началась война.

– В 9 часов утра над Слонимом уже летел первый немецкий самолет, – рассказывает Ада Алексеевна. – Началась стрельба. Люди настолько растерялись, началась паника, все побежали прятаться. Папа сказал, что будем эвакуироваться...

В одних платьях женщины и дети забрались в машину-полуторку. Помню, проехали реку Щару, и раздался огромный взрыв. Ехали тяжело и медленно. Дорога была загружена. Шли солдаты, беженцы. Во время налетов немецких бомбардировщиков все прятались в лесу. С большим трудом добрались до Славгорода, откуда папа был родом и где у нас жило много родни. Спустя примерно месяц после начала войны немцы заняли Славгород. Как-то брат дедушки, Илья Емельянович Рытиков, позвал меня с собой зайти в исполком, где он до войны работал. Я согласилась. А когда мы выходили, у дверей перед входом оказался немец с палкой. Я рванула мимо него и только почувствовала удар палкой по рукам, зарыдала и бросилась бежать по улице. Дядю он тоже огрел, но, к счастью, этим все и обошлось. Это было первое столкновение с фашистами, когда я испытала жуткий страх. Однажды мы с моим двоюродным братом Станиславом, ровесником, с которым повсюду ходили вместе, услышали, что на площади вешают нашего советского офицера. Бегом побежали туда. Когда добрались, казнь уже состоялась. Зрелище было жуткое. На всю жизнь в памяти остались лицо этого повешенного военного и тот немец, который стаскивал у него с ног сапоги... Вместе с другими мужчинами отец осенью пошел работать на шоссейную дорогу. Тогда и была организована четвертая подпольная группа, которой руководил папа. Кто-то из взрослых нашел приемник, его отремонтировали и в полночь, закрывшись в бане, тайком слушали известия с фронтов. А мы, дети, в это время стояли на шухере. Если брат свистел, то остальные мальчишки знали, что идет чужой, свистели по цепочке, и тогда я неслась к бане и стучала. Взрослые мгновенно все прятали и расходились по домам. Помогали мы еще тем, что расклеивали по городу листовки. Иногда нам в одежду зашивали записки с важной информацией, и мы доставляли их по нужному адресу. На детей меньше обращали внимания, и обычно мы не попадались. Еще собирали оружие. Сбрасывали в специальный тайник, который прикрывали мусором, а затем его переносили в условленное место к реке Сож для партизан. Однажды мне поручили перенести партизанам автомат. Привязали его под одежду. Вместе со мной для поддержки пошли мальчишки. И вот, преодолевая реку Проню, я чуть не утонула. Выбравшись на берег, упала и горько расплакалась. Но брат подошел и сказал: «Вставай, ты же знаешь, надо идти». И вот по сей день это слово «надо» со мной. Дошли до реки Сож. Мальчишки сняли спрятанный под одеждой автомат, оставили его в тайнике и мы все тут же удрали.

В 1943 году кто-то предал подпольную группу, начались аресты. Предупрежденный об угрозе отец успел уйти в 41-й отдельный партизанский отряд имени Ворошилова.

А вот маму арестовали и забрали в тюрьму. Правда, просидела она там недолго: вскоре партизаны напали на тюрьму и всех освободили. В октябре 1943-го, когда пришли войска Красной армии, партизанский отряд расформировали и отца направили в дорожные войска. До осени 1944 года мы продержались в Кричеве. Потом оказались в поселке Глуша Бобруйского района. Там я пошла в школу.

Там же, в Глуше, мы встретили победу. Помню, шли машины, и вдруг они остановились, люди стали кричать... А один солдат разрезал подушку, вывернул ее и устроил пуховый фейерверк. Как мы кричали, как радовались, плакали! Конец войны! Победа!

Сейчас, когда на встречах в школах дети спрашивают меня о том, что мы ели в войну, во что одевались, как и чем стирали, я начинаю вспоминать, рассказываю и всегда плачу.

Поспевало зерно, мы брали полотняную торбу и ходили в поле: срезали колосья, на колхозном поле воровали картошку. Собирали желуди в парке, взрослые их сушили, толкли в ступке и готовили лепешки. Поскольку своей одежды родители не успели захватить из дому, я носила вещи Станислава... Зимой ходили в солдатских бушлатах, на ноги надевали самодельные бахилы. А как учились в Глуше? Тут я всегда вспоминаю стихотворные строки: «Читали при свете коптилки, писали меж строчек газет, и черный от хлеба кусочек был слаще заморских конфет».